

Ю.В. ЛАТОВ

МЕЖДУ ФУТУРОШОКОМ И ФУТУРОЭЙФОРИЕЙ (восприятие будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян)

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. На основе данных опросов Института социологии ФНИСЦ РАН 2000–2020-х гг. выявлена динамика показателей распространенности страха перед будущим (футурошок) и противоположной уверенности в хорошем будущем (футуроэйфории). Проверены гипотезы о взаимосвязи этих чувств с идеологическими предпочтениями. Данные свидетельствуют, что хотя проблема страха перед будущим и не является острой (страх присущ не более чем четверти россиян), но тревожен рост страха перед неопределенностью будущего в последнее десятилетие. Анализ на данных за 2023 г. показал связь футурошоковых и футуроэйфорийных чувств с приверженностью разным идеологемам. Сторонники консервативности и державности чаще уверены в будущем, реже испытывают страх и отчаяние перед ним, в то время как приверженцы социалистических и русско-националистических ценностей – наоборот. Различия не слишком велики (не более 10 п.п.), но сопоставимы с разрывами показателей, которые формируются под влиянием поселенческих различий.

Ключевые слова: социология образа будущего • футурошок • футуроэйфория • Россия • идеология • социальная дифференциация

DOI: 10.31857/S0132162524120087

В 2025 году исполняется 60 лет концепции футурошока, предложенной американским социологом Э. Тоффлером (1928–2016) для обозначения негативного восприятия будущего [Toffler, 1970; Тоффлер, 2004]. Это повод для анализа и концептуализации того, как часто и почему страх перед будущим наблюдается в современной России.

Противоречия формирования образа будущего. Массовое действие, направленное на преодоление угроз и/или достижение цели, требует сильной мотивации, помогающей отказываться от текущих благ ради реализации духовно-культурных ценностей. Такая мотивация возможна на основе ценностных образов либо «хорошего» прошлого, которое нужно сохранить (восстановить), либо «хорошего» будущего. Когда общество развивается «в колее» (в рамках устойчивого аттрактора, общепринятых «правил игры»), то рефлексия о долгосрочных целях мало актуальна. В ситуации бифуркации без такой рефлексии трудно обойтись.

Выработка долгосрочных целей развития актуализировалась для России примерно 15 лет назад. С 2008 г. страна пережила два военных конфликта, четыре экономических кризиса и попытку «болотной» революции, оказавшись за новым «железным занавесом». Проблема мотивации россиян к консолидации оказалась в 2010-х гг. решена ориентацией на «светлое прошлое», на традиционные ценности и на образ (советской) России как

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИС ФНИСЦ РАН 2024 г. (рег. номер 124091200014-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

великой державы. Хотя критики современного режима подчеркивают его разрыв с либерализмом 1990-х гг., современная политика в этом аспекте повторяет либералов времен Б.Н. Ельцина, которые тоже искали ориентиры в прошлом, эксплуатируя образы «возвращения России в Европу» и ренессанса дореволюционных институтов. Разница между ориентациями 1990-х и 2010–2020-х гг. в том, что в одном случае «хорошим» прошлым считалась (с оговорками) императорская Россия, в другом – еще и советская (тоже с оговорками). Ни один из постсоветских режимов не предложил россиянам нового образа будущего. Более того, принцип революционного (в философском смысле) развития, когда будущее радикально отличается от прошлого, остро критикуется. Доминируют дискурсы, что «Россия исчерпала лимит на революции», направленные против не только «цветных» революций, но и – неявно – против революций научно-технической, демографической, образовательной и т.д. (см. подробнее [Латов, 2021]). Дискурсы революционных изменений заменены дискурсами реформаторства. «Великую Россию» требуют строить без «великих потрясений», на основе стабильного политического руководства. Но на что направлены эти реформы? Какой быть будущей «Великой России»?

Достигнутая в конце 1980-х гг. открытость страны, возможность сравнивать жизнь в стране и за рубежом, заставляет граждан и политиков России равняться на качество жизни в странах «золотого миллиарда» при принципиальном отторжении некоторых западных норм [Карачаровский, 2024]. Принимаются отраслевые, региональные и т.д. государственные программы совершенствования здравоохранения, образования, транспорта, вооружения, электронных коммуникаций и т.д. Действия бизнеса, ориентированного на платежеспособный спрос, тоже устремлены на приближение жизни россиян к западным стандартам. Они не опираются на сформулированный комплексный образ будущего, но меняют облик если не всей страны, то ее передовых регионов.

Таким образом, с одной стороны, нынешнее политическое руководство формулирует подчеркнуто традиционалистский идеал (вплоть до призывов к молодым женщинам отказываться от высшего образования и карьеры ради деторождения); будущее понимается как ренессанс «правильного» прошлого. С другой стороны, сама меняющаяся жизнь формирует понимание, что Россия будущего – отдаленного и ближайшего, через 5–10 лет – будет *очень* сильно отличаться от современной и прошлой. Советская идеологема, что будущее станет таким, каким его решат сделать граждане, оказалась вытеснена восходящим к О. Тоффлеру образом футурошока – непредсказуемостью и опасностью будущего.

Страх перед будущим как социальная проблема. Как вспоминал автор «Футурошока», «в 1965 г. в статье, опубликованной в “Horizon”, я впервые употребил термин “шок будущего” для описания разрушительного стресса и дезориентации, которые вызывают... слишком большие перемены, происходящие за слишком короткое время» [Тоффлер, 2004: 16]. Концепции футурошока в России не повезло; ее знают, но почти не применяют: у Америки 1960–1970-х и у постсоветской России – очень разные источники страхов перед будущим. Тоффлер акцентировал внимание на постиндустриальных изменениях – качественных преобразованиях рабочей техники, домашнего быта, стилей поведения (вплоть до «сломанной семьи»). В его представлениях заведомо не входило, что страна может за 40 лет дважды поменять доминирующую идеологию (от коммунизма к либерализму и консерватизму), пережить пандемию, два внутренних («чеченские войны») и два внешних военных конфликта, три (в 1991, 1993 и 2011–2012 гг.) попытки столичных «революций» и т.д.

Поэтому призыв автора «Футурошока» считать изменения единственной константой жизни встречается у российских обществоведов сдержанную реакцию. Одни говорят о футурошоке применительно к анализу отдельных аспектов жизни россиян (напр., [Равочкин и др., 2023]). Другие в одобрении Тоффлером перемен видят «традицию западной политической мысли по отрицанию человеческой природы... навязыванию и конструированию образа будущего в котором нет места национально-государственной идентичности, традиционным социальным институтам...» [Бродовская и др., 2023]. В России так и не сложилось

устойчивого внимания к феномену страха перед будущим. О нем мимоходом пишут как об элементе массовидного образа будущего [Желтикова, 2020] или ориентации личности [Нестик, 2014; 2021] в условиях турбулентности. Исследования по социологии образа будущего пока практически отсутствуют в России, хотя развиваются за рубежом на теоретико-макросоциологическом (см.: [Delanty, 2024]), и эмпирическом (напр.: [van der Duin et al., 2020]) уровнях. Между этот феномен определенно заслуживает высокого внимания.

Будущее и настоящее взаимно влияют друг на друга. Современное состояние ресурсов (внешних по отношению к человеку и человеческих) формирует коридор возможностей изменений. Но и образ будущего в общественном сознании существенно детерминирует состояние ресурсов. Если ожидаемого (высоковероятного) будущего страшатся, его не будут желать, ради него не станут мобилизовываться. И наоборот: овладевшая массами идея «светлого будущего» не раз в истории становилась материальной силой. Поэтому для понимания современной ситуации в России – прежде всего, степени заинтересованности разных групп россиян в построении личного и общего «прекрасного далёко» – важно, какого будущего какие слои и группы россиян (не) желают.

Идея, что будущее отличается от настоящего не всегда приятным образом (как выразились Стругацкие, «будущее создается тобою, но не для тебя»), казалась в 1960-х новаторской, однако в наши дни стала тривиальной. Современный человек обречен на колебания между осознанием себя как управляющего своим будущим и как управляемого обстоятельствами объекта изменений. Но сами изменения, создающие иное будущее, вполне осознаются.

Логично ожидать, что образ будущего связан с идеологическими предпочтениями. Идеология тем и отличается от обыденного сознания, что является выражением интересов и идеалов, которые предполагают определенный образ будущего. Дифференциацию идеологий при этом сводят к различиям систем взглядов (коммунисты, социалисты, либералы, националисты и т.д.), сформировавшихся в XX в. Но в современном мире могут непротиворечиво совмещаться идеалы (социальная справедливость, демократическое участие и патриотизм), ранее считавшиеся антагонистическими. В то же время размывание идеологических барьеров нельзя считать отрицанием идеологий. Скорее, речь идет о формировании гибких идеологических предпочтений, где жесткое ядро (стабильное отношение к актуальным вопросам) сочетается с «мягкой» периферией.

Далее, на основании материалов Института социологии ФНИСЦ РАН 2000–2020-е гг. проанализировано, каковы у современных россиян образы будущего и как они соотносятся с их идеологическими предпочтениями. При этом «изобретенный» О. Тоффлером концепт есть смысл дополнить парным концептом, его антитезой. *Футурошок* – только один из полюсов эмоционального восприятия. Его противоположность – радостное восприятие образа будущего, уверенность в хорошем будущем – можно назвать *футуроэйфорией*. Оба понятия описывают крайности; большинство людей, скорее всего, будут тяготеть к промежуточным позициям.

Эмоциональные образы общего и личного будущего. Если смотреть на информацию об отношении к будущему в наборах переживаемых россиянами в 2001–2024 гг. чувств и опасений (табл. 1), то оснований для тревог как будто не видно.

Частоты типичных (переживаемых «часто») положительных эмоций за два последних десятилетия либо стабильны, либо имели тенденцию к росту. Например, частая удовлетворенность тем, что дела идут по плану, «подскочила» с 8,6% в 1999 г. до 29,4% в 2024 г., характеризуя расширение горизонта планирования. В то же время частоты отрицательных эмоций, напротив, снизились. Единственное негативное чувство, которое в 2020-х распространено сильнее, чем в 2000-х гг., – это как раз страх перед неопределенностью будущего. Его «часто» испытывали 23–26% в 2021–2024 гг. в сравнении с 12–20% в 2001–2013 гг. Соответственно, доля тех, кто, по их словам, «никогда не испытывал» в последнее время страха перед будущим, упала с 32–43% в 2001–2013 гг. до 19–25% в 2021–2024 гг. Впрочем, когда в 2003–2013 гг. задавали вопросы не о том, что респонденты чувствуют, а о том,

Таблица 1

Динамика частот эмоционального отношения россиян к будущему, 2001–2024 гг., в %

Переживаемые чувства	2001	2003	2006	2008	2013	2021	2023	2024
<i>Отношение к будущему как элемент переживаемых чувств*</i>								
Чувствовали страх перед неопределенностью будущего часто	18,2	18,1	19,8	14,9	11,6	24,6	23,0	25,8
Чувствовали страх перед неопределенностью будущего иногда	40,0	39,4	43,7	48,9	40,9	36,3	56,7	49,5
Практически никогда не чувствовали страха перед неопределенностью будущего	38,6	42,5	31,8	36,2	41,0	19,1	19,8	24,5
<i>Отношение к будущему как элемент переживаемых опасений**</i>								
Неясность перспектив на будущее	–	21,1	21,8	22,1	19,8	–	–	–
Отсутствие перспектив для детей	–	23,1	–	22,6	17,7	–	–	–

Примечания. * Приведены структурные показатели ответов респондентов на вопрос типа «Как часто за последний год вы переживали следующие чувства?». В некоторых опросах в анкете фигурировала формулировка «Испытывал(а) страх перед будущим из-за ситуации у меня на работе». Сумма долей ответов меньше 100%, поскольку некоторые респонденты затруднялись ответить. Заливкой выделена позиция, которые выбиралась в соответствующий год наиболее часто (или две, если разница между ними меньше 3 п.п.). **Приведены доли респондентов, выбравших соответствующий вариант при ответе на вопрос с множественным выбором «Чего вы больше всего опасаетесь в жизни?».

чего они *опасаются*, то ответы про неясность перспектив в будущем для себя и детей давали в 2000-е гг. тоже 22–23% респондентов. Видимо, повышение страха будущего в 2020-х в сравнении с 2000-ми все же происходило, поскольку настоящее стало более «пугающим», но вряд ли сильно.

Как видим, колебания доли россиян, испытывающих страх перед будущим, отражают текущие события. Это видно по контрасту показателей периода ковид-пандемии и СВО с показателями за 2013 г., последний «спокойный» год перед кризисами. При этом даже в период шоков, когда доля «часто» испытывающих страх перед будущим впервые превысила долю тех, кто «никогда» его не испытывал, эта доля страшщихся составляла лишь порядка 1/4 населения.

Рассмотренные показатели характеризуют один полюс – распространенность «футурошоковых» ощущений. Отсутствие страха перед неопределенностью будущего не обязательно означает «футурозифорическую» веру в «светлое будущее»; оно может проявляться в нейтральном отношении к нему, в отсутствии рефлексии о будущем. Когда в 2021 г. респондентов спрашивали, приходится ли им задумываться о будущем, оказалось, что даже о личном будущем «регулярно» думают 62,8%, еще 24,3% думают о нем «иногда»; применительно к будущему страны соответствующие показатели падали до 26,9 и 34,6%. Как видим, в «ковидный» год, когда поводов для размышлений о будущем было больше, чем обычно, почти 2/5 россиян не рефлексировали о будущем своей страны, а 1/8 – даже о личном будущем.

В базе опросов Института социологии ФНИСЦ РАН есть информация за «трудное» пятилетие 2020–2024 гг., позволяющая представить палитру – от уверенности до отчаяния – чувств по поводу своего будущего и будущего страны. Респонденты про страх в отношении будущего говорят реже, чем в ответах на вопросы о частоте переживаемых эмоций. Возможно, переживание страха перед неопределенностью будущего примерно соответствует не только чувствам страха и отчаяния, но и высоким степеням беспокойства.

Таблица 2

**Динамика структуры чувств россиян к своему будущему и будущему страны,
2001–2024 гг., в %**

Период	Объекты	Переживаемые чувства					
		уверенность в хорошем будущем	спокойствие	надежда	беспокойство	страх	отчаяние
2020	Свое будущее	9,7	14,5	29,2	33,5	5,3	3,4
	Будущее страны	6,6	9,2	26,8	33,0	9,5	6,4
2021	Свое будущее	12,5	16,5	29,5	28,7	4,8	3,6
	Будущее страны	10,0	7,7	26,0	28,4	9,8	6,8
2022	Свое будущее	7,3	7,3	33,4	39,9	9,2	2,5
	Будущее страны	9,9	5,8	30,4	33,1	16,6	3,5
2023	Свое будущее	14,2	16,4	28,9	31,8	6,8	1,4
	Будущее страны	16,7	9,2	31,3	31,0	7,8	3,3
2024	Свое будущее	17,6	18,0	29,4	28,2	4,4	2,1
	Будущее страны	23,0	11,2	32,0	24,8	6,0	2,6

Примечание. Формулировка вопроса: «Когда вы думаете о своем будущем и о будущем нашей страны, то какие чувства вы чаще всего испытываете?» Сумма долей ответов меньше 100%, поскольку некоторые затруднились ответить. Заливкой в табл. 2 и 3 выделена позиция, которые выбиралась в соответствующий год наиболее часто (или две, если разница между ними меньше 3 п.п.).

По данным табл. 2 видно, что самые положительные (уверенность в хорошем будущем) и самые отрицательные (страх, отчаяние) эмоции находятся на нисходящих концах мысленной кривой частот, самыми частыми являются «беспокойство» и отчасти «надежда». Эти модальные эмоции переживали порядка 55–65%, в то время как «уверенность в хорошем будущем» – не более 23%, а «страх» и «отчаяние» – не более 20%. Таким образом, футурошок наблюдался у россиян реже футурозейфории (за исключением начала кризисов в 2020 и 2022 гг.), но оба крайние состояния даже вместе взятые уступали «средним» чувствам. При этом чувства в отношении своего будущего являются более усредненными, чем в отношении будущего страны. «Страш» и «отчаяние» по поводу будущего страны всегда наблюдаются чаще, чем в отношении своего будущего. Пик распространности футурошоковых чувств пройден в год начала СВО, когда от будущего России испытывали страх и отчаяние 20,1%, а от личного – 11,7%. Затем переживание этих эмоций пошло на спад. Самой тревожной характеристикой является то, что в средних чувствах «беспокойство» постоянно существенно (до 3–5 раз) перевешивает «спокойствие» и в большинстве случаев встречается чаще «надежды». Правда, в 2024 г. впервые в отношении будущего России «надежда» высказывалась заметно чаще «беспокойства».

Асимметрия заметна и по уверенности россиян в благоприятном личном будущем, динамику которой можно проследить за 2008–2022 гг. (табл. 3). Доля полностью уверенных в нем (в интервале 5–8%) в замерах была в разы меньше доли совершенно не уверенных (порядка 12–20%). Но и в этом динамическом ряду преобладают «средние» ответы, так что медианным в «обычные» годы выступало мнение «скорее уверен». В кризисные 2020 и 2022 гг. оно сначала сравнялось с более пессимистическим мнением «скорее не уверен», а потом упало ниже него.

Итак, проблема страха перед будущим хотя и не является острой (страх при разных подходах к его измерению присущ в 2020-е гг. не более чем четверти россиян), но она

Таблица 3

**Динамика структуры уверенности россиян
в благоприятном личном будущем, 2008–2022 гг., в %**

Период	Уверенность в благоприятном личном будущем			
	полностью уверен	скорее уверен	скорее не уверен	совершенно не уверен
2008	7,7	43,3	24,0	13,9
2016	5,4	39,1	28,5	12,9
2020	5,4	30,6	29,1	19,9
2022	6,2	36,8	38,5	17,2

существует. Наиболее тревожна его динамика. Если до 2013 гг. страх перед неопределенностью будущего снижался, то за 2014–2024 гг. доля переживающих страх выросла, превысив уровень 2000-х гг. Когда людей пугает неопределенность, это будет сужать их горизонт планирования, ухудшая эмоциональный фон повседневной жизни и материальное благосостояние, генерируя социальную напряженность. Впрочем, рост страха перед неопределенностью неизбежен для череды кризисов и не должен восприниматься как сигнал опасности, если только не провоцирует социальные расколы.

Если дифференциация степеней (не)уверенности в будущем связана с личными обстоятельствами (психологическим типом характера, возрастными особенностями и т.д.), то она не является социальной проблемой. Заметно опаснее, если дифференциация обусловлена идеологическими предпочтениями: сторонники одних идеологий чаще испытывают футурозйфорию, адепты других – футурошок. Поскольку единые идеологические предпочтения способствуют политическому объединению, то, как показывает история, относительно небольшое сплоченное сообщество, испытывающее сильный дискомфорт от ожидаемого будущего, может организовать «великие потрясения», даже если для основной массы населения характернее умеренное беспокойство и надежда на лучшее. Рассмотрим, в какой степени в современной России наблюдается совпадение дифференциации (не)уверенности в будущем с дифференциацией идеологических предпочтений.

Рациональные образы желаемого будущего. Набор базовых идеологий – либерализм (ценность свободы), социализм (ценность справедливости), национализм (ценность единства) и консерватизм (ценность стабильности), – сформировался в позапрошлом веке и мало менялся. Для определения идеологической характеристики личности возможны два метода идентификации – по субъективной оценке (по самоидентификации) и по объективным критериям (ценности какого идеологического набора предпочитает респондент). Второй вариант предпочтительнее. Практически все идеологиемы в ходе постсоветской политической конкуренции изображались карикатурными клише, искажающими их базовое содержание, так что в наши дни для корректной идеологической самоидентификации нужны обществоведческие знания. Идеологическая стратификация респондентов по предпочитаемым идеологемам при изучении образов будущего в общественном сознании хороша и тем, что главным элементом любой идеологии является образ желаемого будущего – желаемых «правил игры». Поэтому изучение идеологической стратификации россиян становится и анализом рациональных (осознанных и хотя бы элементарно систематизированных) образов желаемого будущего.

По базе опросов Института социологии ФНИСЦ РАН можно проследить, как с 2012 г. менялась приверженность россиян разным идеологемам. Среди них есть четыре универсальные идеологические ориентации – социалистическая (справедливость), либеральная (демократия, рынок), консервативная (национальные традиции) и националистическая (власть русских). К ним добавлена державническая ориентация.

Структура идеологических симпатий/антипатий россиян, выраженных в предпочтении желаемого будущего, отличается стабильностью. Во всех замерах чаще (и с большим

Таблица 4

Динамика идеологических предпочтений россиян, 2012–2023 гг., в %

Представления о желаемом будущем России	2012	2014	2018	2020	2023
<i>Социалистическая идеология</i>					
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах*	44,7 (1)	52,9 (1)	58,6 (1)	55,7 (1)	45,0 (1)
<i>Консервативная идеология</i>					
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем**	22,4 (4)	32,6 (2–3)	26,5 (4)	27,3 (4)	37,6 (2)
<i>Либеральные идеологии</i>					
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	27,5 (2–3)	29,3 (4)	36,8 (2)	34,4 (2)	35,4 (3)
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику***	7,4	12,0	14,2	14,6	10,7
<i>Державническая идеология</i>					
Великая держава мира	26,6 (2–3)	32,8 (2–3)	32,1 (3)	29,6 (3)	32,9 (4)
<i>Националистическая идеология</i>					
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	14,3 (5)	18,6 (5)	12,1 (5)	11,9 (5)	11,2 (5)

Примечания. При ответе на вопрос «Какой вы хотели бы видеть Россию будущего?» (формулировка 2023 г.) респондент мог выбрать одну или несколько (не более трех) идеологий, характеризующих желаемое будущее России. В скобках указаны ранги идеологий. Идеологии считались одноранговыми, если различия долей ответов меньше 2 п.п. * В опросах 2018–2023 гг. использовалась формулировка – «социальная справедливость». ** В опросах 2018–2023 гг. указывались «моральные и религиозные ценности». *** Данную идеологию вряд ли следует относить к основным: представление о свободном рынке и минимизации государственного регулирования свойственно не либерализму в целом, а некоторым (классическим, снижающим популярность) его направлениям; идущая от кейнсианства традиция либерализма решительно отказывается от трактовки роли государства как «ночного сторожа». В современной России сохраняется понимание либерализма как идеологии минимизации государственного регулирования, что является отражением негативных воспоминаний о «либеральных» 1990-х.

отрывом) называют социалистическую идеологию (в коридоре 45–59%), реже (тоже с отрывом) – националистическую (11–19%). После инициированного правительством консервативно-державнического поворота 2013–2014 гг. следовало, казалось, ожидать взлета консерватизма и державничества при маргинализации либерализма. Но симпатии россиян к этим идеологиям мало изменялись. Консервативная идеология за 2012–2024 гг. повысила популярность более чем в полтора раза (с 22 до 38%), хотя наблюдается чередование «подскоков» и спадов ее популярности. Волнообразная динамика заметна и у державнической идеологии, популярность которой выросла слабее (с 27 до 33%), чем консерватизма. Что же касается либеральной идеологии, ее популярность в 2010-х выросла с 28 до 37%, а в 2020-е почти не менялась (табл. 4).

Таким образом, для страха перед будущим, которое в последние годы конструируется «сверху» на основе не самых популярных в нашем обществе идеологий, у значительной части россиян есть основания. Впрочем, преувеличивать идеологические расхождения между современной властью и народом России вряд ли следует. С одной стороны, популярность идеологии не тождественна ее значимости (либеральные права человека могут быть значимы для многих, но занимать в их приоритетах последние позиции). Кроме того, у россиян редко встречаются моноидеологические предпочтения,

типично сочетание разных идеологем. В результате, например, «либерал-державники» будут не удовлетворены в либеральных предпочтениях, но удовлетворены тем, что Россия снова становится «великой державой мира». С другой стороны, современная власть в отстаивании идеологических приоритетов действует осторожно, не стремясь к конфронтации¹.

Преуменьшать эти расхождения тоже не следует. Если принять за «нормальные» условия межкризисный 2018 год, тогда в отсутствие шоков чаще всего россияне желали будущего, соответствующего социалистической и либеральной идеологиям; транслируемые же властью державническая и консервативная идеологии были на 3–4-м местах. Более того, акцентирование в 2024 г. обсуждений ограничения притока в Россию инокультурных мигрантов означает актуализацию националистической идеологии, которая занимает в представлениях россиян о желаемом будущем последнее место. Конечно, в условиях кризисного усиления опасных вызовов граждане любой страны согласятся, что временный приоритет получают задачи сохранения институтов, консолидирующих существующие общество и государство, даже если такие «правила игры» многим «не очень» нравятся. Но любой кризис рано или поздно завершается.

Кто (не) боится будущего? Ранее автором уже делалась попытка проследить взаимосвязь между идеологическими предпочтениями россиян и такой характеристикой их отношения к будущему как «запрос на перемены». В результате на материалах общероссийского социологического опроса за «спокойный» 2018 год был сделан вывод, что самый сильный вектор желания перемен связан с либеральной идеологией, объединяющей вокруг себя также сторонников социалистической и (в меньшей степени) «державнической» идеологий [Латов, 2019: 15]. Иначе говоря, тогда подтвердилась вполне ожидаемая закономерность, что чем менее личные идеологические симпатии респондентов совпадают с «официальными» идеологическими предпочтениями, тем чаще респонденты желают в будущем качественных изменений; наоборот, чем ближе эти симпатии к правительственному курсу, тем меньше они желают в будущем перемен. Разумно предположить, что и в современных условиях отношение к будущему (в частности, его эмоциональные оценки) тоже будет тем лучше, чем ближе идеологические симпатии респондентов к двум основным правительственным идеологиям.

Итак, проверим на данных за 2023 г. гипотезу, что футурозйфория чаще наблюдается у приверженцев державнической и консервативной идеологий, а футурошок – у сторонников социалистической и либеральной идеологий². Кроме того, априори можно предположить разные степени корреляции между эмоциональным восприятием будущего и идеологическими предпочтениями в зависимости от того, идет ли речь о личном будущем или будущем страны. Поскольку личное будущее (работа, семья и др.) сильнее зависит от личных же действий, мало связанных с идеологическими симпатиями, то следует ожидать более высокой корреляции этих симпатий с эмоциональным образом *национального* будущего, чем с образом *личного* будущего.

Проверка этих предположений подтверждает их лишь частично. Действительно, корреляция между идеологией и отношением к будущему лучше прослеживается на отношении к будущему России. Среди россиян, в идеологических предпочтениях которых есть консервативная и державническая идеологии, испытывающие футурозйфорию (уверенность в хорошем будущем) составляют около 22% – заметно чаще и россиян в целом (на 5 п.п.), и тем более россиян с социалистической и националистической идеологиями

¹ В законодательно закрепленный перечень «традиционных российских ценностей» (см. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 5) включены и «права и свободы человека», и «справедливость».

² Поскольку приверженцев разных (в принципе – даже всех сразу) идеологий может быть один и тот же респондент, то речь должна идти скорее о россиянах, которые полностью или частично считают себя сторонниками соответствующих идеологических ценностей.

Таблица 5

**Дифференциация отношения россиян к будущему страны в зависимости
от идеологических предпочтений, 2023 г., в %**

Представления о желаемом будущем России	Футурозйфория	Футурошок		
	уверенность в хорошем будущем	страх (1)	отчаяние (2)	(1)+(2)
<i>Социалистическая идеология</i>				
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	12,9	6,9	4,3	11,3
<i>Консервативная идеология</i>				
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	21,5	6,3	2,3	8,6
<i>Либеральные идеологии</i>				
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	16,0	8,6	4,0	12,6
<i>Державническая идеология</i>				
Великая держава мира	21,6	7,4	2,4	9,8
<i>Националистическая идеология</i>				
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	11,7	8,0	3,6	11,6
Россияне в целом	16,7	7,8	3,3	11,1

Примечания. В таблицах 5–8 темной заливкой выделены ячейки, где показатели не менее чем на 2 п.п. превышают показатель по россиянам в целом, а светлой – где показатели не менее чем на 2 п.п. ниже общероссийских.

Таблица 6

**Дифференциация отношения россиян к личному будущему в зависимости
от идеологических предпочтений, 2023 г., в %**

Представления о желаемом будущем России	Футурозйфория	Футурошок		
	уверенность в хорошем будущем	страх (1)	отчаяние (2)	(1)+(2)
<i>Социалистическая идеология</i>				
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	11,6	7,1	1,2	8,3
<i>Консервативная идеология</i>				
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	18,1	5,5	0,9	6,4
<i>Либеральные идеологии</i>				
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	15,3	6,6	1,3	7,9
<i>Державническая идеология</i>				
Великая держава мира	15,3	6,2	0,5	6,7
<i>Националистическая идеология</i>				
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	8,5	8,0	1,8	9,8
Россияне в целом	14,2	6,8	1,4	8,2

Таблица 7

**Дифференциация переживаний страха перед будущим в зависимости
от идеологических предпочтений россиян, 2023 г., в %**

Представления о желаемом будущем России	Чувствовали страх перед неопределенностью будущего часто	Практически никогда не чувствовали страха перед неопределенностью будущего
<i>Социалистическая идеология</i>		
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	22,4	20,4
<i>Консервативная идеология</i>		
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	20,6	24,3
<i>Либеральные идеологии</i>		
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	24,7	18,2
<i>Державническая идеология</i>		
Великая держава мира	19,6	20,7
<i>Националистическая идеология</i>		
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	21,0	20,1
Россияне в целом	23,0	19,8

(на 9–10 п.п.). В то же время по распространенности футурошока (страха и отчаяния в отношении будущего страны) различия гораздо слабее: среди сторонников консервативной и державнической идеологии боящиеся будущего встречаются лишь на 2–3 п.п. чаще, чем среди имеющих либеральные, националистические и социалистические предпочтения. У имеющих же либеральные идеологии ожидаемой повышенной тревожности в отношении будущего России не обнаруживается: переживающие футурошок и футурозйфорию встречаются среди них с примерно той же частотой, как и среди россиян в целом (табл. 5).

В отношении к личному будущему различия между имеющими разные идеологии еще слабее (табл. 6). Если в отношении к будущему страны от «средней температуры по палате» почти не отличались только россияне, склонные к либерализму, то теперь и сторонники державнической идеологии тоже демонстрируют показатели, мало (менее чем на 2 п.п.) отличающиеся от россиян в целом. Вообще по показателям распространенности страха и отчаяния перед будущим между россиянами, имеющими разные идеологии, различия оказались на грани ошибки измерения. В то же время по уверенности в хорошем будущем различия остаются существенными и вполне соответствующими исходной гипотезе: у россиян с консервативной идеологией эта уверенность на 4 п.п. выше, чем у россиян в целом, в то время как у имеющих социологическую идеологию – на почти 3 п.п., у имеющих националистическую – на почти 6 п.п. ниже.

Проверим теперь полученные выводы на данных о частоте страха перед будущим в целом, без деления на личное и национальное будущее (табл. 7). Гипотеза об идеологической детерминированности наличия/отсутствия страха перед будущим снова лучше всего оправдывается применительно к россиянам, имеющим консервативную идеологию: у них на 2,4 п.п. реже встречается «частое» переживание этого страха и на 4,5 п.п. чаще – его отсутствие. Среди имеющих державническую идеологию на 3,4 п.п. реже встречается «частый» страх перед будущим, но по доле тех, кто такого страха не чувствует, они почти не отличаются от «средних» россиян. Россияне со всеми другими идеологиями тоже почти не имеют отличий по анализируемым показателям.

Таблица 8

Доли часто испытывавших наиболее позитивные и наиболее негативные чувства в отношении личного и национального будущего среди россиян из разных социальных групп, 2023 г., в %

Группы	Уверенность в хорошем будущем		Страх, отчаяние от будущего	
	России	личном	России	личного
<i>Возрастные группы</i>				
18–24 года	15,1	23,0	15,1	5,8
25–29 лет	14,4	12,9	11,5	7,2
30–35 лет	18,9	22,2	12,8	6,2
36–44 года	18,5	16,5	10,1	7,9
45–54 года	14,9	12,2	10,2	9,4
55–65 лет	14,9	10,0	10,3	7,3
старше 65 лет	18,8	8,9	11,6	10,9
<i>Поселенческие группы</i>				
Москва и Санкт-Петербург	13,5	15,5	15,0	9,5
Центры субъектов РФ	19,5	16,2	13,1	9,6
Прочие города	14,9	13,3	77,3	7,3
Сельская местность	17,3	12,8	11,3	7,3
<i>Группы с разной самооценкой своего материального положения</i>				
Хорошее	23,0	22,5	7,6	3,5
Удовлетворительное	15,7	13,0	9,1	6,6
Плохое	12,1	7,4	24,5	21,1
Россияне в целом	16,7	14,2	11,1	8,2

Итак, гипотезы о значимости идеологических предпочтений для эмоциональных образов будущего в целом подтвердились, хотя обнаруженные различия выглядят относительно небольшими. Для сравнения приведем дифференциацию в том же 2023 г. отношения россиян к будущему по таким стандартным социальным характеристикам, как самооценки имущественного положения, возраст и тип поселения (табл. 8).

Как обычно в опросах, самая сильная дифференциация наблюдается по критерию самооценок материального положения. Россияне с плохими самооценками всегда и во всем демонстрируют более пессимистические оценки и суждения, чем имеющие хорошее материальное положение. Разница в разы в суждениях о (не)уверенности в хорошем будущем тривиальна, поскольку имеющие плохое/хорошее личное настоящее проецируют его в свое и общероссийское будущее. Менее тривиальны возрастные различия. Оценки личного будущего, как и следовало ожидать, ухудшаются от оптимизма в юности к пессимизму в старости, но возрастные различия в эмоциональном восприятии будущего страны оказываются не более 5 п.п. как по «уверенности», так и по «страху» и «отчаянию». Различия по поселенческим группам близки к дифференциации по идеологическим предпочтениям: показатели отношения к личному будущему отличаются менее чем на 5 п.п., в то время как в отношении к будущему России есть разрыв в 6,0 п.п. по футурозойфорийным и в 7,7 п.п. по футурошоковым чувствам. Напомним, что по критерию приверженности идеологическим ценностям различия составляли до примерно 10 п.п. по уверенности в хорошем личном и общероссийском будущем, а также до 4 п.п. по переживанию «страха» и «отчаяния». Получается, что роль идеологических различий в формировании футуро-шоковых/-эйфорических настроений ниже, чем роль различий в материальном положении, но сопоставима с ролью межпоселенческих различий.

Выводы. Насколько же острой проблемой является в России 2020-х гг. страх перед будущим? Прежде всего, распространенность крайних проявлений чувств в отношении личного и общероссийского будущего не слишком велика. Хотя примерно 1/4 современным россиянам свойственно опасение будущего, вряд ли есть основания рассматривать ситуацию с точки зрения «социологии бесперспективности» («Sociology of Futurelessness» – «социология отсутствия будущего» – одно из направлений зарубежной социологии образа будущего [Tutton, 2023]). Преобладают промежуточные чувства, несколько смещенные к неуверенности в будущем, беспокойства за него. «Стакан полупуст или полуполон» – зависит от точки зрения. Озабоченность будущим не такова, чтобы ставить вопрос (вспомогательная признаки революционной ситуации), что россияне массово «не хотят жить, как прежде». Но сплоченности в построении «светлого будущего» тоже ждать не приходится. Это, видимо, в значительной степени следствие того, что нынешняя политическая элита заменила советский курс построения «светлого будущего» консервативно-державным дискурсом возрождения «светлого (правильного) прошлого». Превалирование установок на стабильность в ущерб идеям «взлета» делает образ будущего одновременно менее пугающим и менее манящим.

Распространенность в сознании россиян рациональных образов-идеологем желаемой «России будущего», соответствующих пяти типам идеологий, формирует относительно устойчивую их иерархию. В 2010–2020-х гг. россияне чаще всего высказывали приверженность социалистической идеологеме «социальной справедливости», реже всего – националистическому лозунгу «Россия для русских», а консервативная, либеральная и державническая идеологемы менялись местами. Правительственный курс на акцентирование консервативно-державных дискурсов создает явные предпосылки идеологического раскола в восприятии будущего, когда оно заметно лучше оценивается сторонниками консерватизма и державности, но хуже – сторонниками других идеологий. Ставшее нормой сосуществование в сознании современных россиян качественно разных идеологем смягчает эту напряженность, не устраняя ее.

Эмпирическая проверка подтвердила, что распространенность футурошоковых и футурозйфорийных чувств связана с приверженностью идеологем. У сторонников консервативности и державности чаще наблюдается уверенность в будущем (прежде всего, в будущем страны), реже – страх и отчаяние перед ним. У приверженцев социалистических и русско-националистических ценностей – наоборот. Формируемые разрывы не слишком велики (не более 10 п.п.), но сопоставимы с дифференциацией показателей под влиянием поселенческих различий.

В контексте высокого значения эмоциональной позитивности россиян для национальной безопасности и подъема их благосостояния, следует сделать двойственную оценку шок/эйфории россиян в отношении будущего. Пока нет оснований опасаться роста угроз безопасности страны, понимаемой как ее стабильность, отсутствие резких поворотов построений и «безумств толпы». В то же время мало предпосылок не только для «революционной ситуации», но и для роста «национального психологического капитала» (см., напр.: [Латова, 2023]), понимаемого, в частности, как высокий уровень чувства уверенности в благоприятном будущем. Уместно вспомнить мнение датского социолога Ф. Полака, который начал комплексно изучать образ будущего почти одновременно с О. Тоффлером и считал, что формирование неопределенного и тем более апокалиптического (вызывающего страх) образа будущего является признаком угасания культуры [Polak, 1973].

У проведенного исследования есть две перспективы в контексте социологии образа будущего. С одной стороны, предложенный Э. Тоффлером концепт футурошока может быть не только «воскresшен» для активного использования, но и доработан. Доработка касается расширения палитры анализируемых чувств (от футурошока до футурозйфории) в отношении будущего и анализируемых причин этих чувств (Тоффлер делал акцент на последствиях спонтанного изменения производственных технологий, сейчас актуальнее рассматривать последствия перемен в социальных технологиях). С другой стороны, оно

акцентирует практическую необходимость мониторинга отношения россиян к будущему, чтобы не пропустить возможное нарастание социальной напряженности в данном аспекте.

Заслуживает специального внимания одновременно как научно-теоретический, макросоциологический, так и политически-практический вопрос, в какой степени ориентация на «правильное прошлое» лучше ориентации на «прекрасное далёко». О. Тоффлер 60 лет назад хорошо осознал опасность борьбы со страшным будущим путем абсолютизации стабильности, отказа от качественных изменений. «Когда критики заявляют, – писал он, – что технократическое планирование античеловечно, т.е. пренебрегает социальными, культурными и психологическими ценностями, ... они обычно правы. [...] Но когда они погружаются в иррациональность, поддерживают антинаучные взгляды, испытывают своего рода болезненную ностальгию и превозносят “теперешность”, они не только неправы, но опасны. Их альтернативы индустриализму – прединдустриализм, их альтернатива технократии – не пост-, а предтехнократия. [...] Мы нуждаемся не в возвращении к иррационализму прошлого, не в пассивном принятии перемен, не в разочаровании и нигилизме. Мы нуждаемся в сильной новой стратегии» [Тоффлер, 2004: 492–493]. Похоже, что эти призывы О. Тоффлера несколько не устарели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродовская Е.В., Склярова Н.Ю., Огнев А.С., Кузнецова С.В., Мельников С.В., Лукушин В.А. Критика концепции футурошока в контексте суверенизации национальной системы образования и воспитания // Человеческий капитал. 2023. № 10. С. 118–127.
- Желтикова И.В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32.
- Карачаровский В.В. Референтные страны и шоки социетальной безопасности России // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 138–149.
- Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28.
- Латов В.Ю. От «революции» – к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 7–22.
- Латова Н.В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные установки различных групп россиян // Журнал институциональных исследований. 2023. Т. 15. № 4. С. 62–78.
- Нестик Т.А. Долгосрочная ориентация личности // Разработка понятий современной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 538–565.
- Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Равочкин Н.Н., Кравченко С.Н., Сергеева И.А. Культурная интеграция, миграционные процессы и социальная дифференциация как следствия футурошока: философский анализ // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 99–103.
- Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
- Delanty G. Introduction: Social theory and the idea of the future // European Journal of Social Theory. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 153–173.
- van der Duin P., Lodder P., Snijders D. Dutch doubts and desires. Exploring citizen opinions on future and technology // Futures. 2020. Vol. 124. P. 102637.
- Polak F. The Image of the Future. New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973.
- Toffler A. Future Shock. New York: Bantam Books, 1970.
- Tutton R. The Sociology of Futurelessness // Sociology. 2023. Vol. 57. No. 2. P. 438–453.

Статья поступила: 23.09.24. Финальная версия: 04.12.24. Принята к публикации: 11.12.24.

RUSSIANS BETWEEN FUTUROSHOCK AND FUTUROEUPHORIA (perception of the future in the context of ideological preferences)

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Cand.Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. Based on representative data of all-Russian surveys of the the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology of the Federal Research Center in the 2000–2020s the paper reveals dynamics of indicators characterizing the prevalence of fear of the future (futuroshock) and the opposite confidence in a good future (futuroeuphoria), while also testing hypotheses about the relationship of these feelings with ideological preferences. Empirical data show that the problem of fear for the future, though not acute (this fear is inherent in about a quarter of Russians in the 2020s), but it definitely exists. The most alarming sign is growing fear of an uncertain future over the past decade. In addition, as analysis based on data for 2023 showed, the prevalence of futuro-shock and futuro-euphoric feelings is markedly related to adherence to different ideologies. Supporters of conservatism and sovereignty often show confidence in the future, but less often fear and despair of it, while adherents of socialist and Russian-nationalist values do the opposite. The gaps formed are not too large (no more than 10 percentage points), but are comparable to those gaps in the corresponding indicators that are formed under the influence of settlement differences.

Keywords: sociology of the image of the future, futuroshock, futuroeuphoria, Russia, ideology, social differentiation.

REFERENCES

- Brodovskaya E.V., Sklyarova N. Yu., Ognev A.S., Kuznetsova S.V., Melnikov S.V., Lukushin V.A. (2023) Criticism of the Concept of Futur Shock in the Context of the Sovereignization of the National System of Education and Upbringing. *Chelovecheskiy kapital* [Human capital]. No. 10: 118–127. (In Russ.)
- Delanty G. (2024). Introduction: Social Theory and the Idea of the Future. *European Journal of Social Theory*. Vol. 27. No. 2: 153–173.
- van der Duin P., Lodder P., Snijders D. (2020) Dutch Doubts and Desires. Exploring Citizen Opinions on Future and Technology. *Futures*. Vol. 124: 102637.
- Karacharovskiy V.V. (2024) Reference Countries and Shocks to Russia's Societal Security. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research]. No. 12: 138–149. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2019) Ideological Vectors and Scalars of Actions of Supporters of Change. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research]. No. 12: 15–28. (In Russ.)
- Latov V. Yu. (2021) From "Revolution" to "Transformations" and "Changes"? Development of Discourses of Analysis of Qualitative Social Changes. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 9. No. 1: 7–22. (In Russ.)
- Latova N.V. (2023) Socio-psychological State of Russian Society and Social Attitudes of Various Groups of Russians. *Journal of Institutional Research*. T. 15. No. 4: 62–78. (In Russ.)
- Nestik T.A. (2021) Long-Term Orientation of the Individual. In: *Development of Concepts of Modern Psychology*. Moscow: Institute of Psychology: 538–565. (In Russ.)
- Nestik T.A. (2014) *Social Psychology of Time*. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
- Polak F. (1973) *The Image of the Future*. New York: Elsevier Scientific Publishing Company.
- Ravochkin N.N., Kravchenko S.N., Sergeeva I.A. (2023) Cultural Integration, Migration Processes and Social Differentiation as a Consequence of Futur Shock: Philosophical Analysis. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. No. 12: 99–103. (In Russ.)
- Toffler A. (2004) *Future Shock*. Moscow, AST. (In Russ.).
- Toffler A. (1970) *Future Shock*. New York: Bantam Books.
- Tutton R. (2023) The Sociology of Futurelessness. *Sociology*. Vol. 57. No. 2: 438–453.
- Zhelitikova I.V. (2020) Studies of the Future and the Place in them of the Concept "Image of the Future". *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought]. No. 2: 15–32. (In Russ.)

Received: 23.09.24. Final version: 04.12.24. Accepted: 11.12.24.